

А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в шести томах. Т. 3. Драммы.
Евгений Онегин. // Государственное издательство «Художественная
литература», Москва, 1936
FB2: Олег Торбасов, 18.03.2022, version 1.0
UUID: 34931524-B2E3-4D67-908B-7A9F1DA46758
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Сергеевич Пушкин

Приложения

А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в шести томах. Т. 3. Драммы. Евгений Онегин.— М., Государственное издательство «Художественная литература», 1936.— сс. 458—519.

Содержание

Борис Годунов	0004
#1	0004
Ограда монастырская.	0004
После сцены ♦	0007
Замок воеводы Мнишка в Самборе.	0008
Царские палаты.	0013
Пропущенные стихи из сцены: «Краков. Дом Вишневецкого»	0014
Окончание «Бориса Годунова» в рукописи:	0016
Русалка	0017
♦ Первоначальный конец сцены «Княжеский терем».	0017
♦ Стихи, пропущенные в сцене «Светлица».	0020
♦ Отрывок ♦ сцены («Светлица»), написанный «народным стихом»:	0021
Сцены из рыцарских времён	0024
#1	0024
♦	0024
♦	0025
План пьесы	0026
«Скажи, какой судьбой» Наброски плана.	0027
1	0027
2	0028

3	0029
4	0029
Вадим	0030
1 План трагедии	0030
2 План поэмы о Вадиме	0031
«От этих знатных господ» План пьесы	0032
Евгений Онегин	0033
#1	0033
Глава первая	0033
Глава вторая	0038
Глава третья	0049
Глава четвёртая	0057
Глава пятая	0067
Глава шестая	0070
Глава седьмая	0074
Глава осьмая	0082
Примечания автора	0091
Отрывки из путешествия Онегина	0097
Глава десятая	0107

Борис Годунов

Сцены, не включённые Пушкиным в основной текст.

Ограда монастырская.[1]

Григорий и злой Чернец.
Григорий.

*Что за скука, что за горе наше
бедное житьё!
День приходит, день проходит —
видно, слышно всё одно:
Только видишь чёрны рясы, толь-
ко слышишь колокол,
Днём, зевая, бродишь, бродишь; де-
лать нечего — соснёшь;
Ночью долгою до света всё не
спится чернецу.
Сном забудешься, так душу грёзы
черные мутят;
Рад, что в колокол ударят, что
разбудят костылём.
Нет, не вытерплю! нет мочи.
Через ограду да бегом.
Мир велик: мне путь-дорога на че-
тыре стороны,*

Поминай как звали.

Чернец.

*Правда: ваше горькое житьё.
Вы разгульные, лихие, молодые
чернецы.*

Григорий.

*Хоть бы хан опять нагрянул!
хоть Литва бы поднялась!
Так и быть! пошёл бы с ними пере-
ведаться мечом.
Что, когда бы наш царевич из мо-
гилы вдруг воскрес
И вскричал: «А где вы, дети, слуги
верные мои?
Вы подите на Бориса, на злодея
моего,
Изловите супостата, приведите
мне его!»*

Чернец.

*Полно! не болтай пустого: мёрт-
вых нам не воскресить!
Нет, царевичу иное, видно, было
суждено —
Но послушай: если дело затевать,
так затевать...*

Григорий.

Что такое?

Чернец.

*Если б я был так же молод, как и ты,
Если б ус не пробивала уж лихая седина...
Понимаешь?*

Григорий.

Нет, нисколько.

Чернец.

*Слушай: глупый наш народ
Легковерен; рад дивиться чудесам
и новизне;
А бояре в Годунове помнят равного себе;
Племя древнего варяга и теперь
любезно всем.
Ты царевичу ровесник... если ты
хитёр и твёрд...
Понимаешь? (Молчание.)*

Григорий.

Понимаю.

Чернец.

Что же скажешь?

Григорий.

Решено!

Я Димитрий, я царевич.

Чернец.

Дай мне руку: будешь царь.

После сцены VI.[2]

*Где ж он? где старец Леонид?
Я здесь один и всё молчит,
Холодный дух в лицо мне дует
И ходит холод по главе...
Что ж это? что же знаменует?
Беда ли мне, беда Москве?
Беда тебе, Борис лукавый!
Царевич тению кровавой
Войдёт со мной в твой светлый
дом.
Беда тебе! главы преступной
Ты не спасёшь ни покаяньем
Ни Мономаховым венцом.—*

Замок воеводы Мнишка в Самборе.[3]

Уборная Марины.

Марина, Рузя убирает её, служанки.

Марина (*перед зеркалом*).

Ну, что ж, готово ли? нельзя ли поспешить?..

Рузя.

Позвольте: наперёд решите выбор трудный:

Что вы наденете, жемчужную ли нить

Иль полумесяц изумрудный?

Марина.

Алмазный мой венец.

Рузя.

Прекрасно! помните? его вы надевали,

Когда изволили вы ездить во дворец,

На бале, говорят, как солнце вы блистали.

Мужчины ахали, красавицы шеп-

тали...

*В то время, кажется, вас видел в
первый раз*

*Хоткевич молодой, что после за-
стрелился.*

А точно говорят: на вас

Кто ни взглянул, тут и влюбился.

Марина.

Нельзя ли поскорей.

Рузя.

Сейчас.

*Сегодня ваш отец надеется на
вас,*

Царевич видел вас не даром.

*Не мог он утаить восторга свое-
го,*

Уж ранен он; так надобно его

Сразить решительным ударом.

А точно, панна, он влюблён.

Вот месяц, как, оставя Краков,

Забыв войну, московский трон,

В гостях у нас пирует он,

И бесит русских и поляков.

Ах, боже мой! Дождусь ли дня?..

*Не правда ли? когда в свою столи-
цу*

*Димитрий поведёт московскую
царицу,
Вы не оставите меня?*

Марина.

*Ты разве думаешь — царицей буду
я?*

Рузя.

*А кто ж, когда не вы? кто смеет
красотою
Равняться здесь с моею госпо-
жою?
Род Мнишков — ничьему ещё не
уступал;
Умом — превыше вы похвал...
Счастлив, кого ваш взор внима-
нья удостоит,
Кто сердца вашего любовь себе
присвоит —
Кто б ни был он, хоть наш ко-
роль,
Или французский королевич —
Не только нищий ваш царевич,
Бог весть какой, бог весть от-
коль.*

Марина.

*Он точно царский сын и признан
целым светом.*

Рузя.

*А всё ж он был прошедшею зимой
У Вишневецкого слугой.*

Марина.

Скрывался он.

Рузя.

*Не спорю я об этом —
А только знаете ли вы,
Что говорят о нём в народе?
Что будто он дьячок, бежавший
из Москвы,
Известный плут в своём приходе.*

Марина.

Какие глупости!

Рузя.

*О, я не верю им —
Я только говорю, что должен он,
конечно,
Благословлять ещё судьбу, когда
сердечно
Вы предпочли его другим.*

Служанка (вбегает).

Уж гости съехались.

Марина.

*Вот видишь: ты до света
Готова пустяки болтать.
А между тем я не одета...*

Рузя.

Сейчас, готово всё.

(Служанки суетятся.)

Марина

Мне должно всё узнать.

Царские палаты.[4]

Ксения (*держит портрет*).

*Что ж уста твои
Не промолвили,
Очи ясные
Не проглянули?
Аль уста твои
Затворилися,
Очи ясные
Закатилися?*

Братец — а братец! скажи: королевич похож был на мой образок?

Феодор.

Я говорю, тебе, что похож.

Пропущенные стихи из сцены: «Краков.
Дом Вишневецкого» [5]

I

*Лишь дайте мне добраться до
Москвы,
А там уже Борис со мной и с вами
Расплатится. Что ж нового в
Москве?*

Хрущов.

*Всё тихо там ещё. Но уж на-
род
Спасение царевича проведаль,
Уж грамоту твою везде читают.
Все ждут тебя. Недавно двух бояр
Борис казнил за то, что за сто-
лом
Они твоё здоровье тайно пили.*

Самозванец.

*О добрые, несчастные бояре!
Но кровь за кровь! и горе Годунову!
Что говорят о нём?*

Хрущов.

Он удалился

*В печальные свои палаты. Грозен
И мрачен он. Ждут казней. Но
недуг
Его грызёт. Борис едва влачится,
И думают, его последний час
Уж недалёк.*

Самозванец.

*Как враг великодушный,
Борису я желаю смерти скорой;
Не то — беда злодею. А кого
Наследником наречь намерен он?*

Хрущов.

*Он замыслов своих не объявляет,
Но кажется, что молодого сына,
Феодора — он прочит нам в цари.*

Самозванец.

*В расчётах он, быть может, оши-
бётся.*

||

*И я люблю парнасские цветы (чи-
тает про себя).[6]*

Хрущов (тихо Пушкину).

Кто сей?

Пушкин.

Пиит.

Хрущов.

Какое ж это званье?

Пушкин.

*Как бы сказать? по-русски — вир-
шепицеу
Иль скоморох.*

Самозванец.

Прекрасные стихи!

Окончание «Бориса Годунова» в
рукописи:

Народ.

Да здравствует царь Димитрий Иванович!

7 ноября 1825.

*Конец комедии, в ней же первая персона
царь Борис Годунов.*

Слава отцу, и сыну, и святому духу.

Аминь

Русалка

I

Первоначальный конец сцены
«Княжеский терем».

Дружко.

*Уж эти девушки — никак нельзя им
Не попроказить. Статочно ли дело
Мутить нарочно княжескую свадьбу!*

(Слышен крик.)

Ба! это что? да это голос князя!

(Девушка под покрывалом переходит через комнату.)

Ты видела?

Сваха.

Да, видела.

КНЯЗЬ *(выбегает).*

*Держите!
Гоните со двора её долой!
Вот след её, с неё вода течёт.*

Дружко.

*Да, так, вода. Юродивая, видно,
Нечаянно сюда прокралась. Слуги,
Над ней смеясь, её, зная, окати-
ли.*

КНЯЗЬ.

*Ступай, прикрикни ты на них. Как
смели
Над нею издеваться и ко мне
Впустить её! (Уходит.)*

Дружко.

*Ей-богу, это странно —
Кто там? (Входят слуги.) Зачем
пустили эту девку?*

Слуга.

Какую?

Дружко.

Мокрую.

Слуга.

*Мы мокрых девок
Не видели.*

Дружко.

Куда ж она девалась?

Слуга.

Не ведаем.

Сваха.

*Ох, сердце замирает.
Нет, это не к добру.*

Дружко.

*Ступайте вон.
Да никого, смотрите, не впускайте.
А я пойду садиться на коня. (Уходит.)*

Сваха.

*Не даром песню чудную пропели,
Не даром чудеса творятся. Чем-то
то
Всё это кончится?*

Стихи, пропущенные в сцене
«Светлица».

Мамка.

*Ну, в ком ему найти, как не в тебе,
Сокровища такого?*

Княгиня.

*Я слыхала,
Что будто бы до свадьбы он любил
Какую-то красавицу, простую
Дочь мельника.*

Мамка.

*Да, так и я слыхала;
Тому давно, годов уж пять иль больше;
Но девушка, как слышно, утопилась,
Так нечего об ней и поминать.*

Княгиня.

Уже одну любил он да покинул,

Так и меня покинуть может он.

III

Отрывок III сцены («Светлица»),
написанный «народным стихом»:

*Княгиня, княгинюшка,
Дитя моё милое,
Что сидишь невесело,
Головку повесила?
Ты не весь головушку,
Не печаль меня старую,
Свою няню любимую.*

— *Ах, нянюшка, нянюшка, милая
моя —
Как мне не тужить, как весёлой
быть?
Была я в девицах, друг любил ме-
ня,
Вышла за него, разлюбил меня.
Бывало, дружок мой целый день
сидит
Супротив меня, глядит на меня,
Глядит на меня, не смигивает,
Любовные речи пошёптывает.
А нынче дружок мой ни свет ни*

заря
Разбудит меня, да сам на коня,
[Весь день по гостям] разгуливает.
Приедет, не молвит словечушка
мне
Он ласкового, приветливого...

— Дитя моё, дитяtko, не плачь,
не тужи,
Не плачь, не тужи, сама рассуди:
Удалый молодчик, что вольный
петух —
Мах-мах крылом — запел, полетел;
А красная девица, что наседочка:
Сиди да сиди, цыплят выводи.

— Уж нет ли у него зазнобы какой?
Уж нет ли на меня разлучницы?

— Полно те, милая, сама рассуди;
Ты всем-то взяла, всем-то хороша.
Лица красотой, умом-разумом,
Лебединою походочкой,
Соловьинoй поговорочкой,

Тихим, ласковым обычаем...

Сцены из рыцарских времён

Наброски начала пьесы, написанные стихами:

I

*Ох, горе мне, Мартын, Мартын!
Клянусь, ей-ей, ты мне не сын.
Моя [покойница сшалила]
В кого она тебя родила?
Мой прадед был честной бочар,
Он передал свой сыну дар,
Мой дед нрзбр отец был <тоже>
прости им боже!
Я то ж,— а ты, а ты-то что?*

— Эй, Франц, я говорю тебе в последний раз;

Я больше не хочу терпеть твоих проказ.

Уймись, или потом поплачешь, будь уверен.

— Да что ж я делаю?

— Ты? вовсе ничего,

[И в том-то и беда]. Ты, кажется, намерен

Хлеб даром есть.

План пьесы

Un riche marchand de drap. Son fils (poète), amoureux d'une jeune demoiselle noble. Il fuit et se fait écuyer dans le château du père, vieux chevalier. La jeune demoiselle le dédaigne. Le frère arrive avec un prétendant. Humiliation du jeune homme. Il est chassé par le frère à la prière de la demoiselle.

Il arrive chez le drapier. Colère et sermon du vieux bourgeois. Arrive frère Berthold. Le drapier le sermonne aussi. On saisit frère Berthold et on l'enferme en prison.

Berthold en prison s'occupe d'alchimie — il découvre la poudre.— Révolte des paysans, fomentée par le jeunepoète.—Siège du château. [Berthold] le fait sauter. Le chevalier — la médiocrité personnifiée — est tué d'une balle.

La pièce finit par des reflexions — et par l'arrivée de Faust sur la queue du diadème (découverte de l'imprimerie, autre artillerie).[7]

«Скажи, какой судьбой»
Наброски плана.

1

Вальберхова вдова — Сосницкий её брат —
Брянский любовник Вальберховой — Рама-
занов, Боченков...— Сосницкий даёт зав-
трак — Брянский принимает гостей — Рама-
занов узнаёт Брянского — Изъяснения — По-
полам — начинается игра — Сосницкий всё
проигрывает, гнёт Величкина на карту — от-
чаянье его.

Сосницкий и Вальберхова. *Вальберхова:* Играл? — Играл — Долго ли тебе быть бог знает где? Добро — либералы, да ты-то что? — зачем не в свете? — Да вся молодёжь. Вы все бранчивы — скучно, то ли дело играть — Скоро ли отстанешь? — Никогда. Сестрица, милая, уезжай, у меня будет завтрак — Игра? — Нет — Прощай.

Сосницкий и Величкин. *Сосницкий* — Карты. *Величкин* — Проиграется — *Сосницкий* — Полно врать — я поспею — *Величкин и Брянский, Брянский и Вальберхова* — *Брянский и Рамазанов* — узнаёт — уговариваются.

Вальберхова. Что за шум? *Величкин.* Играют. *Вальберхова* — а *Брянский?* *Величкин* — Там же. *Вальберхова.* Поди за *Брянским.* *Брянский и Вальберхова* — Я пополам — ему урок — он проигрывает. *Сосницкий* в отчаянии. *Брянский.* — *Величкин* уговаривает — тот его ставит на карту — проигрывает — *Величкин* плачет. *Сосницкий* — также. *Брянский и Рамазанов.* — Конец.

Брянский, Рамазанов, Сосницкий: Вы здесь, а
 мне ничего не сказали —
 — Мочи нет устал — проигрался —
 Пора в театр: наш друг даёт последний завтрак — он застрелится —

— **Я** шёл к тебе, сестра,— Покорно благодарю, в одном доме мы неделю не видались. Что ты делал? — Занят был — сегодня я дома; уезжай, пожалуйста, тебе надо быть у тётки — я даю завтрак.— Бог знает какое общество, зачем тебя нет в свете и проч.

Вадим

1

План трагедии.

Вадим влюблён; Рогнеда дочь Гостомысла, она невеста Громвала — славянина Рюрика.

Вадим и его шайка таятся близ могилы Гостомысла.

Вадим был во дворце и в городе и назначил свиданье Рогнеде.

— Ты знаешь Громвала, зарежь его — Рогнеда, раскаянье её, воспоминания, является Вадим.

Рогнеда, Рюрик и Громвал.

Рюрик и Громвал — презренье к народу самовластья — Громвал его защищает.

Вадим в Новгороде на вече. Вестник — толпа — Рюрик! — Рогнеда открывает заговор — бунт — бой —

Вадим перед Рюриком —

Вадим и Громвал — свиданье — друзья детства...

План поэмы о Вадиме[8]

Вечер — русский берег — ладья — рыбак.—
 Вадим — не спит — он «?» утром засыпает — рыбак хочет его убить — Вадим видит во сне набеги, Гостомысла, Рюрика и Рогнеду — вновь на ладье идёт — к Новгороду — (Нева).

Могила Гостомысла — он находит там друга; ♦ сцена трагедии.— Заговорщики собираются — клянутся умереть за свободу Новгорода. Тризна, обряды, Вадим назначает свиданье Рогнеде.

Свадебный пир. Рюрик выдаёт свою дочь за Сtimiда, искусного полководца — гости садятся за столы, скатерти — невеста видит — Вадим в числе гостей; пьют здоровье Рюрика, братьев, жениха и невесты, варягов; Вадим не пьёт — почему? — пьёт здоровье верных граждан и новгородцев...

«ОТ ЭТИХ ЗНАТНЫХ ГОСПОД»
План пьесы.

Un grand seigneur, coupable de haute trahison et condamné à mort, attend dans sa prison le jour de l'exécution etc.

Le bourreau et son fils tous deux présents aux adieux de la noble famille. La fille s'évanouit, le jeune homme lui porte des secours. Scène de l'échafaud.

Le jeune homme rentre chez ses parents pour les maudire et les quitter pour la vie. Colère du vieux bourreau.

Le jeune «homme» entre au service du prince. Il fait son chemin.

Il est fait chevalier etc.

Il revoit dans un tournoi la fille du condamné, etc. Il obtient sa main; etc.[9]

Евгений Онегин

Многое, находящееся в рукописях Пушкина и в ранних изданиях отдельных глав и отрывков из «Евгения Онегина», не вошло в окончательно установленный им текст. Приводим здесь пропущенное автором.

Глава первая

В белой рукописи имелись эпиграфы:

*Собрание пламенных замет
Богатой жизни юных лет.*

Баратынский.

Nothing is such an enemy to accuracy of judgement as a coarse discrimination.

Burke.[10]

Отдельное издание первой главы было предварено посвящением: «Посвящается брату Льву Сергеевичу Пушкину», после чего следовало предисловие:

Вот начало большого стихотворения, которое, вероятно, не будет окончено. Несколько песен, или глав, Евгения Онегина уже готовы. Писанные под

влиянием благоприятных обстоятельств, они носят на себе отпечаток весёлости, ознаменовавшей первые произведения автора Руслана и Людмилы.

Первая глава представляет нечто целое. Она в себе заключает описание светской жизни петербургского молодого человека в конце 1819 года и напоминает Беппо, шуточное произведение мрачного Байрона.

Дальновидные критики заметят конечно недостаток плана. Всякий волен судить о плане целого романа, прочитав первую главу одного. Станут осуждать и антипоэтический характер главного лица, сбивающегося на Кавказского Пленника, также некоторые строфы, писанные в утомительном роде новейших элегий, «в коих чувство уныния поглотило все прочие». Но да будет нам позволено обратить внимание читателей на достоинства, редкие в сатирическом писателе: отсутствие оскорбительной личности и наблюдение строгой благопристойности в шуточном описании нравов.

За этим предисловием, в качестве стихо-

творного введения к роману, следовал «Разговор книгопродавца с поэтом».

Строфа ♦ первоначально имела следующее окончание :

*Подозревали в нём талант,
И мог Евгений, в самом деле,
Вести приятный разговор,
А иногда учёный спор
Об господине Мармонтеле,
О карбонарах, о Парни,
Об генерале Жомини.*

Строфа ♦ находится в рукописи:

*Нас пыл сердечный рано мучит.
Очаровательный обман,
Любви нас не природа учит,
А Сталь или Шатобриан.
Мы алчем жизнь узнать заране,
Мы узнаём её в романе.
Мы всё узнали. Между тем
Не насладились мы ничем.
Природы глас предупреждая,
Мы только счастью вредим,
И поздно, поздно вслед за ним
Летит горячность молодая.
Онегин это испытал,
Зато как женщин он узнал!*

К начальным строфам первой главы относятся две следующие, сохранившиеся в черновых набросках:

*Как он умел вдовы смиренной
Привлечь благочестивый взор
И с нею скромный и смятенный
Начать краснея [заговор]
Пленять [неопытностью] нежной
.....и верностью надежной,
Любви, которой в мире нет,
И пылкой страстью первых лет,
Как он умел с любою дамой
О платонизме рассуждать
[И в куклы с дурочкой играть]
И вдруг нежданной эпиграмой
Её смутить и наконец
Сорвать торжественный венец.*

*

*Так резвый баловень служанки,
Анбара страж, усатый кот,
За мышью крадётся с лежанки,
Протянется, идёт, идёт,
Полузажмурясь подступает,
Свернётся в ком, хвостом играет,*

*Расширит когти хитрых лап —
И вдруг бедняжку цап-царап.
Так хищный волк, томясь от гла-
да,
Выходит из глуши лесов
И рыщет близ беспечных псов
Вокруг неопытного стада. Всё
спит.
И вдруг свирепый вор
Ягнёнка мчит в дремучий бор.*

После *◆◆◆* строфы следовал черновой на-
бросок:

*Во всей Европе в наше время
Между воспитанных людей
Не почитается за бремя
Отделка [нежная] ногтей.
И нынче воин и придворный
Поэт и либерал задорный
[И сладкогласный] дипломат —
Готовы.....
.....
.....странности такой
Не понимал философ мой.*

Глава вторая

Строфа ♦ первоначально имела другое окончание:

*Он знал и труд и вдохновенье
И освежительный покой,
К чему-то жизни молодой
Неизъяснимое влечение,
Страстей мятежных буйный пир,
И слёзы и сердечный мир.*

Строфа ♦ имела два варианта окончания, заменённые в печати точками.

Первый вариант:

*Что есть избранные судьбами.
Что жизнь их — лучший неба
дар —
И мыслей неподкупный жар
И Гений власти над умами
Добру людей посвящены
И славе доблестью равны.*

Второй вариант:

*Что есть избранные судьбами,
Людей священные друзья,
Что их бессмертная семья*

*Неотразимыми лучами
Когда-нибудь нас озарит
И мир блаженством одарит.*

После строфы ◆ в чистовой рукописи находятся следующие строфы:

X

*Не пел порочной он забавы,
Не пел презрительных цирцей,
Он оскорблять гнушался нравы
Избранной лирою своей;
Поклонник истинного счастья,
Не славил сетей сладострастья,
Постыдной негою дыша,
Как тот, чья жадная душа,
Добыча вредных заблуждений,
Добыча жалкая страстей,
Преследует в тоске своей
Картины прежних наслаждений
И свету в песнях роковых
Безумно обнажает их.*

XI

*Певцы слепого наслажденья,
Напрасно дней своих блажных
Передаёте впечатленья
Вы нам в элегиях живых,
Напрасно девушка украдкой,*

*Внимая звукам лиры сладкой,
К вам устремляет нежный взор,
Начать не смея разговор,
Напрасно ветренная младость
За полной чашею, в венках,
Вспоминает на пирах
Стихов изнеженную сладость
Иль на ухо стыдливых дев
Их шепчет, робость одолев;*

XII

*Несчастные, решите сами,
Какое ваше ремесло;
Пустыми звуками, словами
Вы сеете разврат и зло.
Перед судилищем Паллады
Вам нет венца, вам нет награды,
Но вам дорожке, знаю сам,
Слеза с улыбкой пополам.
Вы рождены для славы женской,
Для вас ничтожен суд молвы —
И жаль мне вас... и милы вы,
Не вам чета был гордый Ленский:
Его стихи, конечно, мать
Велела б дочери читать.*

К этому месту в черновой рукописи сделано примечание:

«La mère en prescrira la lecture a sa fille.

Piron.[11]

Стих сей вошёл в поговорку. Заметим, что Пирон (кроме своей „Метромании“) хорош только в таких стихах, о которых невозможно намекнуть, не оскорбляя благопристойности».

К этим же строфам относится черновая строфа:

*Но добрый юноша, готовый
Высокий подвиг совершить,
Не будет в гордости суровой
Стихи нечистые твердить.
Но праведник изнемождённый
[На казнь неправдой] присуждённый
С цепями [в тюрьме]
С лампадой, дремлющей во тьме,
Не склонит в тишине пустынной
На свиток ваш очей своих
И на стене ваш вольный стих
Не начертит рукой безвинной
Немой и горестный привет
Для узника [грядущих лет].*

Вместо строфы ◆◆ в рукописи находятся две строфы:

Но дружбы нет и той меж нами;
Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами себя;
Мы все глядим в Наполеоны,
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно.
Собою жертвовать смешно;
Иметь восторженные чувства
Простительно в 16 лет;
Кто полон ими, тот поэт
Иль хочет выказать искусство
Пред легковерною толпой.
Что ж мы такое?.. Боже мой!

*

Сноснее, впрочем, был Евгений.
Людей он просто не любил,
Но управлять кормилом мнений
Нужды большой не находил,
Не посвящал друзей в шпионы,
Хоть думал, что добро, законы,
Любовь к отечеству, права,
Одни условные слова.
Он понимал необходимость
И миг покоя своего
Не отдал бы ни для кого,
Но уважал в других решимость,

*Гонимой Славы красоту,
Талант и сердца правоту.*

После строфы ❖❖ начата была следующая:

*От важных исходя предметов,
Порой касался разговор
И русских иногда поэтов;
Со вздохом и потупя взор,
Владимир слушал, как Евгений
[Венчаннх наших сочинений
Немилосердно] поражал...*

Вместо одной ❖❖ строфы в рукописи находится:

*Но чаще занимали страсти
Умы пустынников моих;
Ушед от их мятежной власти,
Онегин говорил об них,
Как о знакомцах изменивших,
Давно могилы сном почивших
И коих нет уж и следа.
Но вырывались иногда
Из уст его такие звуки,
Такой глубокий, чудный стон,
Что Ленскому казался он
Приметой незатихшей муки.
И точно: страсти были тут.
Скрывать их был напрасный труд.*

*

Какие чувства не кипели
В его измученной груди?
Давно ль, надолго ль присмирели?
Проснутся — только погоди.
Блажен, кто ведал их волненье,
Порывы, сладость, упоенье,
И наконец от их отстал.
Блаженней тот, кто их не знал;
Кто охладил любовь разлукой,
Вражду — злословием, порой
Зевал с друзьями и с женой,
Ревнивой не тревожась мукой.
Что до меня, то мне на часть
Досталась пламенная страсть.

*

Страсть к банку! ни дары свобо-
ды,
Ни Феб, ни дамы, ни пиры,
Не отвлекли б в минувши годы
Меня от карточной игры;
Задумчивый, всю ночь до света
Бывал готов я в прежни лета
Допрашивать судьбы завет:
Налево ляжет ли валет?
Уж раздавался звон обеден,
Среди разорванных колод

Дремал усталый банкомёт;
А я нахмурен, бодр и бледен,
Надежды полн, закрыв глаза,
Пускал на третьего туза.

*

И я теперь, отшельник скромный,
Скупой не веруя мечте,
Уж не поставлю карты тёмной,
Заметья грозное руте.
Мелок оставил я в покое,
Атáнде, слово роковое,
Мне не приходит на язык,
От рифмы также я отвык.
Что будешь делать? между на-
ми —
Всем этим утомился я.
На днях попробую, друзья,
Заняться белыми стихами,
Хоть всё имеет *quinze elle va*
Большие на меня права.

Вместо одной строфы в рукописи на-
ходится:

Чуть отрок, Ольгою пленённый,
Сердечных мук ещё не знав,
Он был свидетель умилённый
Её младенческих забав,—

В тени отеческой дубравы
Он разделял её забавы.
Тогда с улыбкой их отцы
Сулили им уже венцы.
Так в Ольге милую подругу
Владимир видеть привыкал;
Он рано без неё скучал
И часто по густому лугу,
Без милой Ольги, меж цветов
Искал её одних следов.

*

Кто ж та была, которой очи
Он без искусства привлекал,
Которой он и дни и ночи
И думы сердца посвящал? —
Меньшая дочь соседей бедных,
Вдали забав столицы вредных,
Невинной прелести полна,
В глазах родителей она
Цвела, как ландыш потаённый,
Незнаемый в траве глухой
Ни мотыльками, ни пчелой,
Цветок, быть может, обречён-
ный,
Не осушив ещё росы,
Размаху гибельной косы.

*

*Ни дура английской породы,
Ни своенравная мамзель,
В России, по уставу моды,
Необходимые досель,
Не стали портить Ольги милой.
Фадеевна рукою хилой
Её качала колыбель.
Она же ей стлала постель.
Она ж за Ольгою ходила,
Бову рассказывала ей,
Чесала золото кудрей,
Читать Помилуй мя учила,
Поутру наливала чай
И баловала невзначай.*

После *◆◆◆◆* строфы в черновой рукописи начата следующая:

*Они привыкли вместе кушать,
Соседей вместе навещать,
[По праздникам обедню] слушать,
Всю ночь храпеть, а днём зевать.
В нрзбр ездить по работам,
Браниться в бане по субботам,
[Солить арбузы и грибы] —*

Строфа *◆◆◆◆* в рукописи читается иначе:

Она в альбом писала кровью

*По образу рязанских дев,
Звала Полиной Парасковью
И говорила нараспев.
Корсет носила очень узкий
И русский Н, как N французский,
Произносить умела в нос.
(Так между модников велось.)
Она любила перед балом
Затверживать мудрёный па,
Отца звала всегда рара,
Умела щёлкать опахалом
И Грандисона своего
Любила более всего.*

После строфы   в рукописи находится ещё одна — заключительная строфа главы:

*Но может быть, и это даже
Правдоподобнее сто раз,
Изорванный, в пыли и в саже
Мой недочитанный рассказ,
Служанкой изгнан из уборной,
В передней кончит век позорный,
Как прошлогодний календарь
Или затасканный букварь.
Ну что ж: в гостиной иль в перед-
ней
Равно читатели [черны],
Над книгой их права равны.*

Не я первой, не я последний
Их суд услышу над собой
Ревнивый, строгий и тупой.

Глава третья

В рукописи находится эпиграф из ♦ песни «Божественной комедии» Данте:

*Ma dimmi: al tempo de' dolci sospiri,
A che e come concedette A more
Che conosceste i dubbiosi desiri?*

Dante.[12]

Строфа ♦, последние стихи которой в печати заменены точками, в рукописи имеет следующее окончание:

*Несут на блюдечках варенья
С одною ложечкой для всех.
Иных занятий и утех
В деревне нет после обеда,
Поджавши руки, у дверей
Сбежались девушки скорей
Взглянуть на нового соседа,
И на дворе толпа людей
Критиковала их коней.*

После строфы ♦ в черновой рукописи сле-

Довало:

*В постеле лёжа — наш Евгений
Глазами Байрона читал,
Но дань вечерних размышлений
В уме Татьяне посвящал.
Проснулся он денницы ране,
И мысль была всё о Татьяне.
Вот новое, — подумал он, —
Неужто я в неё влюблён?
Ей-богу, это было б славно,
[Я рад — уж] то-то б одолжил,
Посмотрим, — и тотчас решил
Соседку навещать исправно,
Как можно чаще — всякий день:
[Ведь] им досуг, а [мне] не лень.*

После строфы в рукописи следует:

*Увы! друзья! мелькают годы,
И с ними вслед одна другой
Мелькают ветреные моды
Разнообразной чередой:
Всё изменяется в природе;
Ламуш и фижмы были в моде,
Придворный франт и ростовщик
Носили пудренный парик.
Бывало, нежные поэты
В надежде славы и похвал
Точили тонкий мадригал*

*Иль остроумные куплеты,
Бывало, храбрый генерал
Служил и грамоты не знал.*

После ❖❖❖ строфы в рукописи перечёркнуто:

*Теперь мне должно б на досуге
Мою Татьяну оправдать —
Ревнивый критик в модном круге,
Предвижу, будет рассуждать:
Ужели не могли заране
Внушить задумчивой Татьяне
Приличий коренных устав.
Да и в другом поэт не прав:
Ужель влюбиться с первой встрече
Она в Онегина могла,
И чем увлечена была,
Какой в нём ум, какие речи
Её пленить успели вдруг? —
Постой, поспорю я, мой друг.*

К строфе ❖❖❖, стих 9 в сноске выписано
два стиха из ❖❖❖ сонета Петрарки:

*E'l viso di pietosi color farsi,
Non so se vero o falso, mi pareo.*

После ❖❖❖ в рукописи следует строфа:

*Но вы, кокетки записные,
Я вас люблю, хоть это грех,
Улыбки, ласки заказные
Вы расточаете для всех.
Ко всем стремите взор прият-
ный;
Кому слова невероятны,
Того уверит поцелуй;
Кто хочет, волен: торжествуй.
Я прежде сам бывал доволен
Единым взором ваших глаз,
Теперь лишь уважаю вас.
Но хладной опытностью болен,
И сам готов я вам помочь,
Но ем за двух и сплю всю ночь.*

Вместо строфы ❖❖❖ в рукописи находят-
ся две следующие:

*А вы, которые любили
Без позволения родных
И сердце нежное хранили
Для впечатлений молодых,
Тоски, надежд и неги сладкой,
Быть может, если вам украдкой
Случалось тайную печать
С письма любовного срывать
Иль робко в дерзостные руки*

*Заветный локон отдавать,
Иль даже молча дозволять
В минуту горькую разлуки
Дрожащий поцелуй любви,
В слезах, с волнением в крови —*

*

*Не осуждайте безусловно
Татьяны ветреной моей.
Не повторяйте хладнокровно
Решенья чопорных судей.
А вы, о Девы без упрёка.
Которых даже тень порока
Страшит сегодня, как змия,
Советую вам то же я.
Кто знает? — пламенной тоскою
Сгорите, может быть, и вы,
И завтра лёгкий суд молвы
Припишет модному герою
Победы новой торжество:
Любви вас ищет божество.*

После строфы в рукописи следуют ещё две строфы. Некоторые стихи этих отброшенных строк Пушкин перенёс в «Путешествие» Онегина.

*Сокровища родного слова
(Замечают важные умы)*

Для лепетания чужого
Безумно пренебрегли мы.
Мы любим Муз чужих игрушки,
Чужих наречий погремушки,
А не читаем книг своих.
Но где ж они? — давайте их.
Конечно: северные звуки
Ласкают мой привычный слух,
Их любит мой славянский дух,
Их музыкой сердечны муки
Усыплены... но дорожит
Одними звуками — пиит.

*

Но где ж мы первые познанья
И мысли первые нашли,
Где применяем испытанья,
Где узнаём судьбу земли? —
Не в переводах одичалых,
Не в сочиненьях запоздалых,
Где русский ум, да русский дух
Зады твердит и лжёт за двух.
Поэты наши переводят,
А прозы «нет». Один журнал
Исполнен приторных похвал,
Тот брани плоской. Все наводят
Зевоту скуки, хоть не сон.
Хорош российский Геликон!

В письме Татьяны после стиха: «Не знала б горького мученья» следовало:

*Моя смиренная семья,
Уединённые гулянья,
Да книги, верные друзья,
Вот всё, что прежде [знала] я.*

После стиха: «Тоску волнуемой души» следовало:

*Ты мне внушал мои моленья
И веры благодатный жар,
И грусть, и слёзы умиленья —
Не всё ли твой заветный дар?*

Вместо строфы в рукописи находится:

*Лишь только няня удалилась,
И сердце, будто пред бедой,
У бедной девушки забилося,
Вскричала: боже! что со мной!
Встаёт. На мать взглянуть не смеет,
То вся горит, то вся бледнеет,
Весь день потупя взор молчит
И чуть не плачет и дрожит...
Внук няни поздно воротился,
Соседа видел он; ему*

*Письмо вручил он самому.
И что ж сосед? — верхом садился
И положил письмо в карман.
Ах, чем-то кончится роман.*

Вместо песни девушек «Девицы красавицы» в черновой рукописи была другая:

Песня

*Вышла Дуня на дорогу,
Помолившись богу.
Дуня плачет, завывает,
Друга провожает.
Друг поехал на чужбину,
Дальнюю сторонку.
Ох, уж эта мне чужбина,
Горькая кручина...
На чужбине молодицы,
Красные девицы;
Осталась я, молодая,
Горькая вдовица.
Вспомяни меня младую,
Аль я приревную;
Вспомяни меня заочно,
Хоть и ненарочно.*

Глава четвёртая

В рукописи находятся два эпитафия к этой главе. Первый — тот же эпитафия из Данте, который находится и в рукописи третьей главы. Второй — два стиха из «Пиров» Баратынского:

*Собрание пламенных замет
Богатой жизни юных лет.*

Первые четыре строфы главы, сохранившиеся в рукописи, не включались Пушкиным ни в одно издание «Онегина», но были им напечатаны в журнале «Московский Вестник» 1827 г., часть пятая:

Женщины
Отрывок из Евгения Онегина

*В начале жизни мною правил
Прелестный, хитрый, слабый пол;
Тогда в закон себе я ставил
Его единый произвол.
Душа лишь только разгоралась,
И сердцу женщина являлась
Каким-то чистым божеством.
Владея чувствами, умом,
Она сияла совершенством.*

*Пред ней я таял в тишине:
Её любовь казалась мне
Недосягаемым блаженством.
Жить, умереть у милых ног —
Иного я желать не мог.*

*

*То вдруг её я ненавидел,
И трепетал, и слёзы лил,
С тоской и ужасом в ней видел
Созданье злобных, тайных сил;
Её пронзительные взоры,
Улыбка, голос, разговоры,
Всё было в ней отравлено,
Изменой злой напоено,
Всё в ней алкало слёз и стоны,
Питалось кровию моей...
То вдруг я мрамор видел в ней
Перед мольбой Пигмалиона
Ещё холодный и немой,
Но вскоре жаркий и живой.*

*

*Словами вещего поэта
Сказать и мне позволено:
емира, Дафна и Лилета —
Как сон, забыты мной давно.
Но есть одна меж их толпою...*

Я долго был пленён одною...
Но был ли я любим, и кем,
И где, и долго ли?.. зачем
Вам это знать? не в этом дело!
Что было, то прошло, то вздор;
А дело в том, что с этих пор
Во мне уж сердце охладело,
Закрылось для любви оно,
И всё в нём пусто и темно.

*

Дознался я, что дамы сами,
Душевной тайне изменяя,
Не могут надивиться нами,
Себя по совести ценя.
Восторги наши своенравны
Им очень кажутся забавны;
И, право, с нашей стороны
Мы непростительно смешны.
Закабалась неосторожно,
Мы их любви в награду ждём,
Любовь в безумии зовём,
Как будто требовать возможно
От мотыльков иль от лилей
И чувств глубоких и страстей!

После первой строфы данного отрывка в черновой рукописи следовала строфа:

*Признаться ль вам, я наслажде-
нье*

*В то время лишь и разумел;
Мне было мило ослепленье,
Об нём я после пожалел,
Но я заманчивой загадкой
Недолго мучился украдкой...
И как же помогли оне,—
Шепнули сами слово мне,
[Оно] известно [было] свету,
И даже никому давно
Уж не казалось и смешно.
Так [разгадав загадку эту],
Сказал я: только-то, друзья.
Куда, как недогадлив я!*

После третьей строфы того же отрывка следовало черновой рукописи:

*Страстей мятежные заботы
Прошли, не возвратятся вновь!
Души бесчувственной дремоты
Не возмутит уже любовь.
Пустые красоты порока
Блестят и нравятся до срока.
Пора проступки юных дней
Загладить жизнью моей!
Молва, играя, очернила
Мои начальные лета,*

*Ей подмогала клевета,
А дружба, только что смешила.
Но к счастью суд [молвы] слепой
Опровергается порой!*

В черновой рукописи строфа ◆ читается:

*Смешон, конечно, важный мод-
ник —
Систематический Фоблас,
Красавиц записной угодник,
Хоть по делом он мучит вас.
Но жалок тот, кто без искусства
Души возвышенные чувства,
[Прелестной] веруя мечте,
Приносит в жертву красоте
И, расточась неосторожно,—
Одной любви в награду ждёт,
Любовь в безумии зовёт...
Как будто требовать возможно
От мотыльков иль от лилей
Глубоких чувств или страстей.*

После строфы ◆◆ следовало:

*Но ты, губерния Псковская,
Теплица юных дней моих,
Что может быть, страна пу-
стая,
Несносней барышень твоих?*

Меж ими нет, замечу кстати,
Ни тонкой вежливости знати,
Ни [ветрености] милых шлюх.
Я, уважая русский дух,
Простил бы им их сплетни, чван-
ство,
Фамильных шуток остроту,
Пороки зуб, нечистоту
[И непристойность и] жеман-
ство.
Но как простить им [модный]
бред
И неуклюжий этикет?

После строфы ❖❖❖ в рукописи находится:

Увы, Татьяна увядает,
Бледнеет, гаснет и молчит,
Ничто её не занимает,
Её души не шевелит.
[Родня] качает головою,
Соседи шепчут меж собою:
Пора, пора бы замуж ей!
Мать то же мыслит; у друзей
Тихонько требует совета.
Друзья советуют — зимой
В Москву подняться всей се-
мьёй,—
Авось в толпе большого света

*Татьяне сыщется жених
Милей иль счастливей других.*

*

*Не в первый раз моей Татьяне
Уж назначали женихов,
Семейство Лариных заране
Поздравить всякий был готов...
... [иные] в самом деле
Её искали, но доселе
Она отказывала всем,
Старушка мать гордилась тем.
Соседки [всех именовали],
По пальцам [даже] перечли;
Там до Онегина дошли,
[Потом усердно рассуждали]
И предрекли уже развод
[С Татьяной много] через год.*

*

*Но сплетни скоро перестали.
[Не вздумал свататься жених].*

Строфа была напечатана Пушкиным в первом издании:

*Уж их далече взор мой ищет...
А лесом кравшийся стрелок
Поэзию клянёт и свищет,*

Спуская бережно курок.
У всякого своя охота,
Своя любимая забота:
Кто целит в уток из ружья,
Кто бредит рифмами, как я,
Кто бьёт хлопушкой мух нахаль-
ных,
Кто правит в замыслах толпой,
Кто забавляется войной,
Кто в чувствах нежится печаль-
ных,
Кто занимается вином:
И благо смешано со злом.

Конец   строфы и   строфа
находятся в рукописи:

*И одевался — только вряд
Вы носите ль такой наряд.*

*

*Носил он русскую рубашку,
Платок шелковый кушаком,
Армяк татарский на распахну
И шляпу с кровлею, как дом
Подвижный. Сим убором чудным,
Безнравственным и безрассуд-
ным,
Была весьма огорчена*

*Псковская дама Дурина,
А с ней Мизинчиков.— Евгений,
Быть может, толки презирал,
А вероятно, их не знал,
Но всё ж своих обыкновений
Не изменил в угоду им,—
За что был ближним нестерпим.*

Строфа *◆◆* сперва следовала после строфы *◆◆◆* и начиналась стихами:

*Старушка очень полюбила
Благоразумный их совет,
В столицу [ехать] положила,
Как только будет зимний след.*

После неё следовало в черновой рукописи:

*Когда повеет к нам весною,
И небо вдруг оживлено,—
Люблю поспешною рукою
Двойное выставить окно.
С каким-то грустным наслажде-
нием
Я упиваюсь дуновеньем,
[Живой] прохладой; но весна —
У нас не радостна; она
Богата грязью, не цветами.
Напрасно манит жадный взор
Лугов пленительный узор.*

Не свищет ночью над водами
Певец «весны» и вместо роз
В полях растопленный навоз.

*

Что наше северное лето? —
Карикатура южных зим.
Мелькнёт — и нет, известно это,
Хоть мы признаться не хотим.
Не шум дубрав, не тень, не розы,
В удел нам отданы морозы,
Мятель, свинцовый свод небес,
Безлиственный, серебристый лес.
[Пустыни] ярко [снеговые],
Где свищут подрези саней, —
Средь хладно пасмурных ночей;
Кибитки, песни удалые,
Двойные стекла, банный пар,
Халат, лежанка и угар.

Строфа ❖❖❖ первоначально начиналась
следующими стихами:

В глуши что делать в это время?
Гулять? — но голы все места,
Как лысое Сатурна темя.
Иль крепостная нищета

Глава пятая

В качестве эпиграфа в рукописи выписано несколько стихов из «Светланы» Жуковского:

*Тускло светится луна
В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой;
Вынь себе колечко».*

Кроме того начато:

La sotto.

Это — первые слова эпиграфа к шестой главе, который, следовательно, первоначально предназначался для пятой.

В строфе ◆◆◆ стихи 5◆й — 12◆й в рукописи читаются:

*Извольте видеть: книга эта,
Конечно, ей дороже света,
И всякий день находит в ней
Она хороших тьму вещей;
Нет, ни один [поэт] от века*

*Ни даже Дамских Мод Журнал
Татьяны так не занимал.
То был, друзья, Мартын Задека —*

Строфа *◆◆◆* первоначально кончалась:

*Она приветствий двух друзей
Не слышит — слёзы из очей
Готовы хлынуть — вдруг упала
Бедняжка в обморок — тотчас
Её выносят суетясь.
Толпа гостей залепетала.
Все на Евгения глядят,
Как бы во всём его винят.*

Строфы *◆◆◆◆* и *◆◆◆◆* Пушкин печатал в первом издании:

XXXVII

*В пирах готов я непослушно
С твоим бороться божеством;
Но, признаюсь великодушно,
Ты победил меня в другом:
Твои свирепые герои,
Твои неправильные бои,
Твоя Киприда, твой Зевес
Большой имеют перевес
Перед Онегиным холодным,
Пред сонной скукою полей,
Перед Истоминой моей,*

*Пред нашим воспитаньем мод-
ным;
Но Таня (присягну) милей
Елены пакостной твоей.*

XXXVIII

*Никто и спорить тут не станет,
Хоть за Елену Менелай
Сто лет ещё не перестанет
Казнить Фригийский бедный край,
Хоть вокруг почтенного Приама
Собранье стариков Пергама,
Её завидя, вновь решит:
Прав Менелай, и прав Парид.
Что ж до сражений, но немного
Я попрошу вас подождать:
Извольте далее читать;
Начала не судите строго;
Сраженье будет. Не солгу,
Честное слово дать могу.*

Строфу ❖❖❖ Пушкин печатал в первом издании, пропуская первые четыре стиха, находящиеся в чистовой рукописи:

*Как гонит бич в песку манежном
По корде резвых кобылиц,
Мужчины в округе мятежном
Погнали, дёрнули девиц —*

*Подковы, шпоры Петушкова
(Канцеляриста отставного)
Стучат; Буянова каблук
Так и ломает пол вокруг;
Треск, топот, грохот по порядку:
Чем дальше в лес, тем больше
дров;
Теперь пошло на молодцов;
Пустились, только не в присядку.
Ах, легче, легче: каблуки
Отдавят дамские носки!*

Глава шестая

В рукописи (до нас не дошедшей) находились следующие строфы, пропущенные в печати:

XV

*Да, да, ведь ревности припадки —
Болезнь, так точно как чума,
Как чёрный сплин, как лихорадки,
Как повреждение ума.
Она горячкой пламенеет,
Она свой жар, свой бред имеет,
Сны злые, призраки свои.
Помилуй бог, друзья мои!
Мучительней нет в мире казни*

*Её терзаний роковых.
Поверьте мне: кто вынес их,
Тот уж конечно без боязни
Взойдёт на пламенный костёр,
Иль шею склонит под топор.*

XVI

*Я не хочу пустой укорой
Могилы возмущать покой;
Тебя уж нет, о ты, которой
Я в бурях жизни молодой
Обязан опытом ужасным
И рая мигом сладострастным.
Как учат слабое дитя,
Ты душу нежную, мутя,
Учила горести глубокой.
Ты негой волновала кровь,
Ты воспаляла в ней любовь
И пламя ревности жестокой;
Но он прошёл, сей тяжкий день:
Почий, мучительная тень!*

В черновиках сохранились следующие наброски, относящиеся к строфе:

*В сраженье [смелым] быть похвально,
Но кто не смел в наш храбрый век?*

Всё дерзко бьётся, лжёт нахально.
но.

Герой, будь прежде человек.
Чувствительность бывала в моде
И в нашей северной природе.
Когда горящая картечь
Главу сорвёт у друга с плеч,
Плачь, воин, не стыдись, плачь
вольно.

И Кесарь слезы проливал,
[Когда он] друга [смерть узнал],
И сам был ранен очень больно
(Не помню где, не помню как).
Он был конечно не дурак.

*

Но плакать и без раны можно
О друге, если был он мил,
Нас не дразнил неосторожно
И нашим прихотям служил.
Но если Жница роковая,
Окровавлённая, слепая,
В огне, в дыму — в глазах отца
Сразит залётного птенца!
О страх, о горькое мгновенье,
О «Строганов», когда твой сын
Упал сражён, и ты один.
[Забыл ты славу] «и» сражение

*И предал славе ты чужой
Успех ободренный тобой.*

*

*Как мрачный стон, как гроба хо-
лод...*

.....

В не дошедшей до нас рукописи находи-
лась следующая неполная строфа:

XXXVIII

*Исполня жизнь свою отравой,
Не сделав многого добра,
Увы, он мог бессмертной славой
Газет наполнить нумера.
Уча людей, мороча братьий,
При громе плесков иль прокля-
тий,
Он совершить мог грозный путь,
Дабы в последний раз дохнуть
В виду торжественных трофеев,
Как наш Кутузов, иль Нельсон,
Иль в ссылке, как Наполеон,
Иль быть повешен, как Рылеев.*

Глава седьмая

В рукописи находятся следующие строфы, пропущенные Пушкиным в печати:

VIII

*[Но] раз вечернею порою
Одна из дев сюда пришла;
Казалось, тягостной тоскою
Она встревожена была.
Как бы волнуемая страхом,
Она в слезах пред милым прахом
Стояла, голову склонив
И руки с трепетом сложив.
Но тут поспешными шагами
Её настиг молодой улан,
Затянут, статен и румян,
Красуясь чёрными усами,
Нагнув широкие плеча
И гордо шпорами звуча.*

IX

*Она на воина взглянула:
Горел досадой взор его,
И побледнела и вздохнула,
Но не сказала ничего.
И молча Ленского невеста
От сиротеющего места*

*С ним удалилась — и с тех пор
Уж не являлась из-за гор.
Так равнодушное забвенье
За гробом настигает нас:
Врагов, друзей, любовниц глас
Умолкнет. Об одном именье
Наследников ревнивых хор
Заводит непристойный спор.*

Строфа ◆◆ первоначально оканчивалась:

*По крайней мере, из могилы
Не вышла в сей печальный день
Его ревнующая тень,
И в поздний час, Гимену милый,
Не испугали молодых
Следы явлений гробовых.*

Строфа ◆◆◆ первоначально имела другое окончание, за которым следовало описание альбома Онегина и выдержки из него:

*Сперва ей было не до книг,
И вдруг открылся между их
Альбом, и чтенью предалася
Татьяна жадною душой,
И ей открылся мир иной.*

*

Опрятно по краям окован

Позолочённым серебром,
Он был исписан, изрисован
Рукой Онегина кругом.
Меж непонятого маранья
Мелькали мысли, замечанья,
Портреты, числа, имена,
Да буквы, тайны письма,
Отрывки, письма черновые,
И словом, искренний журнал,
В который душу изливал
Онегин в дни свои младые,
Дневник мечтаний и проказ.
Кой-что «я» выпишу для вас.

Альбом Онегина

1

Меня не любят и клеветуют,
В кругу мужчин несносен я.
Девчонки предо мной трепещут,
Косятся дамы на меня.
За что? — за то, что разговоры
Принять мы рады за дела,
Что вздорным людям важны
вздоры,
Что Глупость ветрена и зла,
Что пылких душ неосторож-
ность
Самолюбивую ничтожность

Иль оскорбляет, иль смешит,
Что ум, любя простор, теснит.

2

Боитесь вы графини —овой.
Сказала нам Элиза К.
Да, возразил NN суровый,
Боимся мы графини —овой,
Как вы боитесь паука,

3

В Коране много мыслей здравых,
Вот например: пред каждым
сном
Молись, беги путей лукавых,
Чти бога и не спорь с глупцом.

4

Цветок полей, листок дубрав
В ручье кавказском каменеет.
В волненья жизни так мертвеет
И ветреный и нежный нрав.

5

Шестого. Был у В. на бале.
Довольно пусто было в зале,
Р. С. как ангел хороша.
Какая вольность в обхожденьи,

В улыбке, в томном глаз движе-
нии.

Какая нега и душа!

[Она сказала, *nota bene*,

Что завтра едет к Селимене].

6

Вечор сказала мне R. C.:

Давно желала я вас видеть.

Зачем? — мне говорили все,

Что я вас буду ненавидеть.

За что? — за резкий разговор,

За легкомысленное мненье

О всём; за колкое презренье

Ко всем; однако ж это вздор,

Вы надо мной смеяться властны,

Но вы совсем не так опасны,—

И знали ль вы до сей поры,

Что просто — очень вы добры?

7

Сокровища родного слова,

Замечают важные умы,

Для лепетания чужого

Безумно пренебрегли мы.

Мы любим муз чужих игрушки,

Чужих наречий погремушки,

А не читаем книг своих.

Да где ж они? давайте их.
А где мы первые познания
И мысли первые нашли,
Где поверяем испытанья,
Где узнаём судьбу земли?
Не в переводах одичалых,
Не в сочиненьях запоздалых,
Где русский ум и русский дух
Зады твердит и лжёт за двух.

8

Мороз и солнце! чудный день.
Но нашим дамам видно лень
Сойти с крыльца и над Невою
Блеснуть холодной красотой.
Сидят. Напрасно их манит
Песком усыпанный гранит.
Умна восточная система,
И прав обычай стариков:
Они родились для гарема
Иль для неволи теремов.

9

[Вчера у В.], оставя пир,
Р. С. летела, как Зефир,
Не внемля жалобам и пеням;
А мы по лаковым ступеням
Летели шумною толпой

За одалиской молодой.
Последний звук последней речи
Я от неё поймать успел,
Я чёрным соболем одел
Её блистающие плечи,
На кудри милой головы
Я шаль зелёную накинул,
Я пред Венерою Невы
Толпу влюблённую раздвинул.

10

— — — я вас люблю etc.

11

Сегодня был я ей представлен;
Глядел на мужа с полчаса:
[Он важен], красит волоса,
И чином от ума избавлен.

После строфы ❖❖❖ следовало:

С её открытием поздравим
Татьяну милую мою
И в сторону свой путь направим,
Чтоб не забыть, о ком пою.
Убив неопытного друга,
Томленье сельского досуга
Не мог Онегин перенести,
[Решился он в кибитку сесть].

*[Раздался колокольчик] звучный,
Ямщик ударил, засвистал,
И наш Онегин поскакал
[Искать отраду в жизни] скучной,
По отдалённым [сторонам],
Куда, не зная точно сам.*

После строфы ◆◆◆◆ в черновой рукописи начата следующая:

*Татьяну всё воображая
Ещё ребёнком, няня ей
Сулит веселье, истощая
Риторику хвалы своей.
Вотще она велеречиво
Москву описывает живо.*

К строфе ◆◆ относится следующий черновой набросок:

*Как [живо] колкий Грибоедов
В сатире внуков описал,
Как описал Фонвизин дедов,
[Сзывая всю] Москву на бал.*

Глава осьмая

Одной первой строфе окончательного текста в рукописи соответствуют четыре:

I

*В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Елисея,
А Цицерона проклинал;
В те дни, как я поэме редкой
Не предпочёл бы мячик меткий,
Считал схоластику за вздор
И прыгал в сад через забор;
Когда порой бывал прилежен,
Порой ленив, порой упрям,
Порой лукав, порою прям,
Порой смирен, порой мятежен,
Порой печален, молчалив,
Порой сердечно говорлив.*

II

*Когда в забвеньи перед классом
Порой терял я взор и слух
И говорить старался басом
И стриг над губой первый пух,
В те дни... в те дни, когда впервые
Заметил я черты живые*

Прелестной девы, и любовь
Младую взволновала кровь,—
И я, тоскуя безнадежно,
Томясь обманом пылких снов,
Везде искал её следов,
Об ней задумывался нежно,
Весь день минутной встречи
ждал
И счастье тайных мук узнал

III

В те дни — во мгле дубравных сво-
дов
Близ вод, текущих в тишине,
В углах лицейских переходов,
Являться Муза стала мне.
Моя студенческая келья,
Доселе чуждая веселья,
Вдруг озарилась! Муза в ней
Открыла пир своих затей;
Простите, хладные науки!
Простите, игры первых лет!
Я изменился, я поэт,
В душе моей едины звуки
Переливаются, живут,
В размеры сладкие бегут.

IV

Везде со мной, неутомима,
Мне Муза пела, пела вновь:
(Amorem sanat æstas prima)[14]
Всё про любовь, да про любовь.
Я вторил ей,— молодые друзья,
В освобождённые досуги,
Любили слушать голос мой.
Они, пристрастною душой
Ревнуя к братскому союзу,
Мне первый поднесли венец,
Чтоб им украсил их певец
Свою застенчивую Музу.
О, торжество невинных дней!
Твой сладок сон душе моей.

Вторая (по счёту окончательной, печатной редакции) строфа, появившаяся в печати неполной, в рукописи имеет следующее окончание:

И Дмитрев не был наш хулитель;
И быта русского хранитель,
Скрижаль оставя, нам внимал
И Музу робкую ласкал.
И ты, глубоко вдохновенный,
Всего прекрасного певец,
Ты, идол девственных сердец,
Не ты ль, пристрастьем увлечён-
ный,

*Не ты ль мне руку подавал
И к славе чистой призывал.*

После строфы в рукописи следует:

*Со всею вольностью дворянской
Чуждались щегольства речей
И щекотливости мещанской
Журнальных чопорных судей.
В гостиной светской и свободной
Был принят слог простонарод-
ный,
И не пугал ничьих ушей
Живою странностью своей.
(Чему наверно удивится,
Готовя свой разборный лист,
Иной глубокий журналист;
Но в свете мало ль что творит-
ся,
О чём у нас не помышлял,
Быть может, ни один журнал!)*

*

*Никто насмешкою холодной
Встречать не думал старика,
Заметя воротник не модный
Под бантом шейного платка,
И новичка-провинциала
Хозяйка спесью не смущала,*

Равно для всех она была
Непринуждённа и мила.
Лишь путешественник залётный,
Блестящий лондонский нахал
Полу-улыбку возбуждал
Своей осанкою заботной;
И быстро обменённый взор
Ему был общий приговор.

К этому месту главы относятся следующие
рукописные отрывки:

И та, которой улыбалась
Расцветшей жизни благодать,
И та, которая сбиралась
Уж общим мненьем управлять,
И представительница света,
И та, чья скромная планета
Должна была когда-нибудь
Смирненным счастьем блеснуть,
И та, которой сердце тайно
Нося безумной страсти казнь,
Питало ревность и боязнь,—
Соединённые случайно,
Друг дружке чуждые душой,
Сидели тут одна с другой.

*

Тут был на эпиграммы падкий,

На всё сердитый князь Бродин:
На чай хозяйки слишком сладкий,
На глупость дам, на тон муж-
чин,
На вензель, двум сироткам дан-
ный.
На толки про роман жеманный,
[На пустоту жены своей],
[И на неловкость дочерей].
Тут был один диктатор бальный,
Прыгун суровый, должностной;
У стенки фертик молодой
Стоял картинкою журнальной,
Румян как вербный херувим.
Затянут, нем и недвижим.

*

Тут был [К. М.], франт, женатый
На кукле чахлой и горбатой
И семи тысячах душах;
Тут был во всех своих звездах
[Правленья цензор] непреклонный
(Недавно грозный сей Катон
За взятки места был лишён);
Тут был ещё сенатор сонный,
Проведший с картами свой век,
Для власти нужный человек.

*

...Проласов, добрый малый,
Известный низостью своей
И страстью открывать все балы,
Явился посреди гостей.
За ним другой диктатор бальный
Вошёл картинкою журнальной.
Лорнетом даму отыскал,
Сел, улыбнулся и соврал.
[В углу важна и молчалива]
Тут Лиза Лосина была,
Уж так горбата, так мала,
Так неопрятна, так писклива,
Что поневоле каждый гость
Предполагал в ней ум и злость.

*

Неслышно в залу Нина входит,
Остановилась у дверей
И взгляд рассеянный обводит
Кругом внимательных гостей.
В волнение перси, плечи блещут,
Горит в алмазах голова,
Вкруг стана ... и трепещут
Прозрачной сетью кружева,
И шёлк узорной паутиной
Сквозит на розовых ногах;
И все в восторге, в небесах
Пред сей волшебною картиной.

.....

.....

*

*И в зале яркой и богатой,
Когда в умолкший, тесный круг
Подобна лилии крылатой
Колеблясь входит Лалла-Рук,
И над поникшею толпою
Сияет царственной главою
И тихо въётся и скользит
Звезда — харита меж харит;
И взор смешенных поколений
Стремится, ревностью горя,
То на неё, то на царя, —
Для них без глаз один Евгений:
Одной Татьяной поражён,
Одну Татьяну видит он.*

Вместо строфы в рукописи находится:

*Проходят дни, летят недели,
Онегин мыслит об одном,
Другой себе не знает цели,
Чтоб только явно иль тайком,
Где б ни было, княгиню встре-
тить,
Чтобы в лице её заметить*

*Хоть озабоченность иль гнев.
Свой дикий нрав преодолев,
Везде — на вечере, на бале,
В театре, у художниц мод,
На берегах замёрзлых вод,
На улице, в передней, в зале,
За ней он гонится, как тень.
Куда его девалась лень!*

В «Письмо Онегина» не вошли следующие стихи:

После стиха: «Быть может, повод подаю»:

*Но так и быть: не в силах доле
Противиться я сам себе,
Не в первый раз я предан воле
Страстей безумных и судьбе.*

После стиха: «Тогда я сердце оторвал»:

*Я позабыл ваш образ милый,
Речей стыдливых нежный звук.
И жизнь сносил души унылой,
Как искупительный недуг.
Так, я безумец, — но ужели
Я слишком многое прошу?
Когда б хоть тень вы разумели
Того, что в сердце я ношу.*

Последние четыре стиха в рукописи чита-

ЮТся:

*И что же?.. вот чего хочу:
Пройду немного... с вами рядом,
Упьюсь по капле сладким ядом
И благодарный замолчу.*

Примечания автора

В первом издании Пушкин напечатал несколько примечаний, исключённых из дальнейших изданий:

Глава ♦, строфа ♦, стих : «Вдали Италии своей».

Мнение, будто бы Овидий был сослан в нынешний Акерман, ни на чём не основано. В своих элегиях *Ex ponto* он ясно назначает местом своего пребывания город *Томы* при самом устье Дуная. Столь же несправедливо и мнение Вольтера, полагающего причиной его изгнания тайную благосклонность Юлии, дочери Августа. Овидию было тогда около пятидесяти лет, а развратная Юлия, десять лет тому прежде, была сама изгнана ревнивым своим родителем. Прочие догадки учёных не что иное, как догадки. Поэт сдержал своё слово, и

тайна его с ним умерла:

Alterius facti culpa silenda mihi.[15]

Примеч. Соч.

Глава ❖, строфа ❖❖❖, стих: «В Академический Словарь».

Нельзя не пожалеть, что наши писатели слишком редко справляются со словарём Российской Академии. Он останется вечным памятником попечительной воли Екатерины и просвещённого труда наследников Ломоносова, строгих и верных опекунов языка отечественного. Вот, что говорит Карамзин в своей речи:

«Академия Российская ознаменовала самое начало бытия своего творением, важнейшим для языка, необходимым для авторов, необходимым для всякого, кто желает предлагать мысли с ясностью, кто желает понимать себя и других. Полный словарь, изданный Академиею, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев: наша без сомнения счастливая судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями. Италия, Франция, Ан-

глия, Германия славились уже многими великими писателями, ещё не имея словаря: мы имели церковные, духовные книги; имели стихотворцев, писателей, но только одного истинно *классического* (Ломоносова), и представили систему языка, которая может равняться с знаменитыми творениями Академии Флорентийской и Парижской. Екатерина Великая... кто из нас и в самый цветущий век Александра ♦ может произносить имя её без глубокого чувства любви и благодарности?.. Екатерина, любя славу России, как собственную, и славу побед, и мирную славу разума, приняла сей счастливый плод трудов Академии с тем лестным благоволением, коим она умела награждать всё достохвальное и которое осталось для вас, милостивые государи, незабвенным, драгоценнейшим воспомина-нием».

Примеч. Соч.

Глава ♦, строфа ♦, стих: «Под небом Африки моей».

Автор со стороны матери происхождения африканского. Его прадед Абрам Петрович Аннибал на 8 году своего возраста был похи-

щен с берегов Африки и привезён в Константинополь. Российский посланник, выручив его, послал в подарок Петру Великому, который крестил его в Вильне. Вслед за ним брат его приезжал сперва в Константинополь, а потом и в Петербург, предлагая за него выкуп; но Петр ♦ не согласился возвратить своего крестника. До глубокой старости Аннибал помнил ещё Африку, роскошную жизнь отца, 19 братьев, из коих он был меньшей; помнил, как их водили к отцу, с руками, связанными за спину, между тем, как он один был свободен и плавал под фонтанами отеческого дома; помнит также любимую сестру свою *Лагань*, плывшую издали за кораблём, на котором он удалялся.

18♦ти лет от роду, Аннибал послан был царём во Францию, где и начал свою службу в армии регента; он возвратился в Россию с разрубленной головой и с чином французского лейтенанта. С тех пор находился он неотлучно при особе императора. В царствование Анны, Аннибал, личный враг Бирона, послан был в Сибирь под благовидным предлогом. Наскуча безлюдством и жестокостию клима-

та, он самовольно возвратился в Петербург и явился к своему другу Миниху. Миних изумился и советовал ему скрыться немедленно. Аннибал удалился в свои поместья, где и жил во всё время царствования Анны, считаясь в службе и в Сибири. Елизавета, вступив на престол, осыпала его своими милостями. А. П. Аннибал умер уже в царствование Екатерины, уволенный от важных занятий службы с чином генерал-аншефа на 92 году от рождения[16].

В России, где память замечательных людей скоро исчезает, по причине недостатка исторических записок, странная жизнь Аннибала известна только по семейственным преданиям.

Сын его генерал-лейтенант И. А. Аннибал принадлежит бесспорно к числу отличнейших людей Екатерининского века (ум. В 1800 году).

Кроме того в рукописи находятся примечания, не появившиеся в печати.

Глава ◆, строфа ◆◆◆, стих: «Бренчат кавалергарда шпоры».

Неточность.

На балах кавалергардские офицеры, так, как и лейб-гусары, [являются] в виц-мундире, в башмаках. Замечание основательное, но в описании есть нечто поэтическое. Ссылаюсь на мнение А. И. В...

Глава ◆, строфа ◆◆:

*Et je ressemble au vieux guerrier
Qui rencontre ses frères d'armes
Et leur parle encor du métier.[17]*

Глава ◆, строфа ◆◆:

Кто-то спрашивал у старухи: по страсти ли, бабушка, вышла ты замуж.— По страсти, родимый,—отвечала она:— приказчик и староста обещались меня, до полусмерти прибить.— В старину свадьбы, как суды, обыкновенно были пристрастны.

Глава ◆, строфа ◆◆◆, стих «Несётся в гору во весь дух».

Критиковали меру этого стиха несправедливо:

U—U—UUU—

одно из изменений четырёхстопного ямбического стиха, впрочем, довольно однообразного.

И после во весь путь молчал.

U—UUU—U—

Отрывки из путешествия Онегина

Путешествие Онегина первоначально представляло собой особую главу, восьмую по порядку. Часть строф этой главы Пушкин перенёс в следующую главу, первоначально девятую.

Глава, содержащая Путешествие, начиналась строфой последней главы, после чего следовало:

*Блажен, кто понял голос строгий
Необходимости земной,
Кто в жизни шёл большой доро-
гой,
Большой дорогой столбовой;
Кто цель имел, и к ней стремил-
ся,
Кто знал, зачем он в свет явился
И богу душу передал,
Как откупщик иль генерал.
«Мы рождены — сказал Сенека,—
Для пользы ближних и своей» —
(Нельзя быть проще и ясней),
Но тяжело, прожив полвека,*

*В минувшем видеть только след
Утраченных безумных лет...*

Далее следовали строфы *◆◆* и *◆◆*, после чего следующие строфы:

*Наскуча или слыть Мельмотом,
Иль маской щеголять иной,
Проснулся раз он патриотом
Дождливой, скучною порой.
Россия, господа, мгновенно
Ему понравилась отменно,
И решено: Уж он влюблён,
Уж Русью только бредит он,
Уж он Европу ненавидит
С её политикой сухой,
С её развратной суетой.
Онегин едет; он увидит
Святую Русь: её поля,
Пустыни, грады и моря.*

*

*Он собрался — и слава богу.
Июня третьего числа
Коляска лёгкая в дорогу
Его по почте понесла.
Среди равнины полудикой
Он видит Новгород-великий;
Смирились площади — средь них*

Мятежный колокол утих,
Но бродят тени великанов:
Завоеватель Скандинав,
Законодатель Ярослав,
С четою грозных Иоанов.
И вокруг поникнувших церквей
Кипит народ минувших дней.

*

Тоска, тоска! спешит Евгений
Скорее далее: теперь
Мелькают мельком, будто тени,
Пред ним Валдай, Торжок и Тверь,
Тут у привязчивых крестьянок
Берёт три связки он баранок,
Здесь покупает туфли, там
По гордым волжским берегам
Он скачет сонный. Кони мчатся
То по горам, то вдоль реки.
Мелькают вёрсты; ящички
Поют и свищут, и бранятся;
Пыль вьётся. Вот Евгений мой
В Москве проснулся на Тверской.

*

Москва Онегина встречает
Своей спесивой суетой,
Своими девами прельщает,

*Стерляжей потчует ухой;
В палате Английского клоба
(Народных заседаний проба),
Безмолвно в думу погружен,
О кашах пренья слышит он.
Замечен он. Об нём толкует
Разноречивая молва,
Им занимается Москва,
Его шпионом именует,
Слагает в честь его стихи
И производит в женихи.*

*

*Тоска, тоска! — Он в Нижний хо-
чет,
В отчизну Минина — пред ним
Макарьев суетно хлопочет*

Далее следует первый отрывок, напечатанный Пушкиным.

После этого отрывка следует:

*Тоска! Евгений ждёт погоды.
Уж Волга, рек, озёр краса,
Его зовёт на пышны воды,
Под полотняны паруса.
Взманить охотника не трудно:
Наняв купеческое судно,
Поплыл он быстро вниз реки.*

Надулась Волга. Бурлаки,
Опёршись на багры стальные,
Унывным голосом поют
Про тот разбойничий приют,
Про те разъезды удалые,
Как Стенька Разин в старину
Кровавил волжскую волну.

*

Поют про тех гостей незваных,
Что жгли, да резали. Но вот,
Среди степей своих песчаных,
На берегу солёных вод,
Торговый Астрахань открылся.
Онегин только углубился
В воспоминанья прошлых дней,
Как жар полуденных лучей
И комаров нахальных тучи,
Пища, жужжа со всех сторон,
Его встречают,— и, взбежён,
Каспийских вод берега сыпучи
Он оставляет тот же час.
Тоска! — он едет на Кавказ.

Строфа «Он видит Терек своенравный»
имеет следующие черновые варианты:

Авось их дикою красою
Случайно тронут будет он.

*И вот, конвоем окружён,
Вослед за пушкою степною
..... ступил Онегин вдруг
В предверьи гор, в их мрачный
круг.*

*

*Обвалы сыплются и блещут,
Вдоль скал прямых потоки хлещут,
Меж гор, меж двух высоких стен
Идёт ущелие; стеснён
Опасный путь; всё уже, уже.
Вверху чуть видны небеса;
Природы мрачная краса
Везде являет дикость ту же.
Хвала тебе, седой Кавказ.
Онегин тронут в первый раз.*

К этому же месту относится черновая строфа:

*Во время оное, бывшее
[В те дни ты знал меня], Кавказ.
В своё святилище глухое
Ты принимал меня не раз.
В тебя влюблён я был безумно.
Меня приветствовал ты шумно
[Могучим гласом бурь своих],*

*Я [слышал] рёв ручьёв твоих
И снеговых обвалов [грохот]
[И крик орлов] и песни дев
И Терека свирепый рев
И эха дальnozвучный хохот;
[И зрел] смиренный твой певец
[Казбека] царственный венец.*

В строфе «Питая горьки размышленья» последние два стиха в рукописи читаются иначе, а за ними следует полная строфа, из которой Пушкин печатал только последние стихи.

*И я как эти господа
Надежду мог бы знать тогда!..*

*

*Блажен кто стар! блажен, кто
болен!
Над кем лежит судьбы рука!
Но я здоров, я молод, волен,
Чего мне ждaть? — тоска! тос-
ка!..
Простите, снежных гор вершины,
И вы, Кубанские равнины!
Он едет к берегам иным,
Он прибыл из Тамани в Крым.*

В рукописи сохранились строфы, следующие за отрывками, напечатанными Пушкиным:

*Итак, я жил тогда в Одессе
Средь новоизбранных друзей,
Забыв о сумрачном повесе,
Герое повести моей.
Онегин никогда со мною
Не хвастал дружбой почтовою,
А я, счастливый человек,
Не переписывался ввек
Ни с кем. Каким же изумленьем,
Судите, был я поражён,
Когда ко мне явился он
Неприглашённым привиденьем,
Как громко ахнули друзья,
И как обрадовался я!*

*

*Святая дружба, глас природы!!!
Взглянув друг на друга, потом,
Как Цицероновы Авгуры,
Мы рассмеялися тишком...*

.....

.....

.....

Кроме того до нас дошли три строфы из за-

ключительной части Путешествия. Из них первая в очень черновом виде:

*Недолго вместе мы бродили
По берегам Эвксинских вод:
Судьбы нас снова разлучили
[И нам назначили] поход.
Онегин, очень охлаждённый
И тем, что видел, насыщённый,
Пустился к невским берегам,
А я от милых южных дам,
От «жирных» устриц черномор-
ских,
От оперы, от тёмных лож
И — слава богу — от вельмож,
Уехал в тень лесов Тригорских,
В далёкий северный уезд.
И был печален мой приезд.*

*

*О, где б Судьба ни назначала
Мне безыменный уголок,
Где б ни был я, куда б ни мчала
Она смиренный мой челнок;
Где поздний мир мне б ни сулила,
Где б ни ждала меня могила,—
Везде, везде в душе моей
Благословлю моих друзей.*

Нет, нет! нигде не позабуду
Их милых, ласковых речей,—
Вдали, один, среди людей,
Вообразать я вечно буду
Вас, тени прибережных ив,
Вас, мир и сон Тригорских нив.

*

И берег Сороти отлогий,
И полосатые холмы,
И в роще скрытые дороги,
И дом, где пировали мы —
Приют, сияньем Муз одетый,
Младым Языковым воспетый.
Когда из капища наук,
Являлся он в наш сельский круг —
И нимфу Сороти прославил
И огласил поля кругом
Очаровательным стихом.
Но там и я мой след оставил
И, ветру в дар, на тёмну ель
Повесил звонкую свирель.

Глава десятая

В 1830 году Пушкин написал несколько строф главы, следующей за последней печатной. Глава эта по прежнему счету (до исключения Путешествия Онегина) являлась десятой. Рукопись её Пушкин сжёг в том же, 1830 году. От этой главы до нас дошли только отрывки (первые четверостишия) четырнадцать строф, записанные особым шифром, и черновики следующих за ними трёх строф.

I

*Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щёголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой.
Над нами царствовал тогда.*

.....

II

*Его мы очень смирным знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартова шатра.*

.....

III

*Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?*

.....

IV

*Но бог помог — стал ропот ниже,
И скоро, силою вещей,
Мы очутились в Париже,
А русский царь главой царей.*

.....

V

*И чем жирнее, тем тяжелее;
О русский глупый наш народ,
Скажи, зачем ты в самом деле*

.....

VI

*Авось, о Шиболет народный,
Тебе б я оду посвятил,
Но стихоплёт великородный
Меня уже предупредил*

.....

Моря достались Альбиону.

.....

VII

*Авось, аренды забывая,
Ханжа запрётся в монастырь,
Авось, по манью Николая
Семействам возвратит Сибирь*

.....
Авось дороги нам исправят

.....

VIII

*Сей муж судьбы, сей странник
бранный,
Пред кем унизились цари,
Сей всадник, папою венчанный,
Исчезнувший, как тень зари*

.....
Измучен казнию покоя[18]

.....

IX

*Тряслися грозно Пиренеи,
Волкан Неаполя пылал,
Безрукий князь друзьям Мореи
Из Кишинёва уж мигал.*

.....
Кинжал ..... тень...

.....

X

*«Я всех уйму с моим народом!» —
Наш царь в покое говорил,*

.....

*А про тебя и в ус не дует
Ты, Александровский холоп.*

.....

XI

*Потешный полк Петра титана,
Дружина старых усачей,
Предавших некогда тирана
Свирепой шайке палачей*

.....

XII

*Россия присмирела снова,
И пуще царь пошёл кутить,
Но искра пламени иного
Уже издавна может быть*

.....

XIII

*У них свои бывали сходки,
Они за чашею вина,
Они за рюмкой русской водки*

.....

XIV

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи.

.....

XV

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал,
Читал свои ноэли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.
Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

XVI

Так было над Невою льдистой.
Но там, где ранее весна
Блестит над Каменкой тенистой
И над холмами Тульчина,
Где Витгенштейновы дружины

Днепром подмытые равнины
И степи Буга облегли,
Дела [иные уж] пошли,
Там Пестель... для тиранов
И рать — — — набирал
Холоднокровный генерал,
И Муравьёв, его склоняя,
Исполнен дерзости и сил,
Минуты [вспышки] торопил.

XVII

Сначала эти заговоры
Между лафитом и клико,
[Лишь были дружеские споры]
И не [входила] глубоко
В сердца мятежные наука.
[Всё это было только] скука,
Безделье молодых умов,
Забавы взрослых шалунов.
Казалось; но.....
.....узлы к узлам
И постепенно сетью тайной
Россия.....
Наш царь дремал. ...

Примечания

1

После сцены: «Ночь. Келья в Чудовом монастыре».

[^^^]

2

В первоначальной редакции сценой была сцена «Ограда монастырская».

[^^^]

3

После сцены: «Краков. Дом Вишневецкого».

[^^^]

4

Исключённое начало сцены.

[^^^]

См. стр. 56.

[^^^]

См. стр. 60.

[^^^]

Богатый торговец сукном. Сын его (поэт) влюблён в знатную девицу. Он бежит и становится конюхом в замке отца «девицы», старого рыцаря. Молодая девушка им пренебрегает. Является брат с претендентом «на её руку». Унижение молодого человека. Он выгнан братом по просьбе девушки.

Он приходит к суконщику. Гнев и поучения старого буржуа. Является брат Бертольд. Суконщик поучает и его. Брата Бертольда хватают и сажают в тюрьму.

Бертольд в тюрьме занимается алхимией — он изобретает порох.— Восстание крестьян, возбуждённое молодым поэтом. Осада замка. [Бертольд взрывает его. Рыцарь — воплощённая посредственность — убит пулею.

Пьеса кончается размышлениями и появлением Фауста на хвосте дьявола (изобретение книгопечатания — своего рода артиллерии).

Отрывок из поэмы, напечатанный самим Пушкиным, см. в т. ❖.

[^^^]

Вельможа, виновный в государственной измене и присуждённый к смерти, ждёт в тюрьме дня своей казни.

Палач и его сын присутствуют вдвоём при прощании знатного семейства. Дочь падает в обморок, молодой человек оказывает ей помощь. Сцена эшафота.

Молодой человек возвращается к родителям, чтобы проклясть их и покинуть навсегда. Гнев старого палача.

Молодой человек поступает на службу к князю. Он выходит в люди. Он делается рыцарем и т. д. Он встречает на турнире дочь осуждённого и т. д. Он получает её руку и т. д.

[^^^]

10

Ничто так не враждебно точности суждения как недостаточное различение. Берк.

[^^^]

Мать предпишет своей дочери чтение этих стихов. *Пирон.*

[^^^]

12

Но скажи мне: в дни нежных вздохов по ка-
ким признакам и как Амур допустил, что вы
погнались неясные желания? Данте.

[^^^]

И мне показалось,— правда или нет,— что лицо покрылось краской нежности. *Петрарка.*

[^^^]

Юность поёт о любви.

[^^^]

Что касается моих заблуждений, то об этой
моей вине мне надлежит молчать.

[^^^]

Мы со временем надеемся издать полную его биографию.

[^^^]

Я похож на старого воина, встречающего со-
братьев по оружию и ещё беседующего с ни-
ми о своём ремесле.

[^^^]

Строфа, вероятно, заканчивалась стихами, перенесёнными в стихотворение «Герой»:

*Осмеян прозвищем героя,
Он угасает, недвижим,
Плащом закрывшись боевым.*

[^^^]